

Глава 4

Едва слова сорвались с его губ, как горло Му Циньчуаня словно сжала невидимая рука, и последние звуки рассыпались в прах.

В ушах зазвенело от разрывающей боли, а каждое произнесённое слово эхом отдавалось в голове.

Дядя...

«Это единственное, что оставил мне Юань Ся».

В этот миг Му Циньчуань вдруг понял одержимость Цзян Чэньчжоу.

Рука, сжимавшая шею ребёнка, то напрягалась, то ослабевала. Лоб покрылся испариной, застывая взор.

— Бле-э-э...

Цзян Юаньмяо больше не мог сдерживаться и его вырвало.

— Эй, ты в порядке?

Голос Му Циньчуаня сорвался. Он в панике опустил ребёнка на землю.

— Я же тебя даже не сжимал, не притворяйся мёртвым.

Мальчик безвольно лежал на полу, бледный, с мучительным выражением на лице. Его тёмные глаза затуманились от слёз.

Он казался таким хрупким, словно одно неверное движение — и он разобьётся на тысячи осколков.

Му Циньчуаня охватила необъяснимая паника.

— Как Цзян Чэньчжоу вообще воспитывает детей? Это всё он виноват, накормил тебя всякой дрянью, вот тебя и тошнит.

Он услышал тихий шёпот ребёнка.

— Папа...

Лицо Му Циньчуаня помрачнело. Разум подсказывал, что нужно немедленно действовать, уничтожить этого гуй, избавить мир от этой напасти.

«Меня не одурачили. Я просто не хочу поднимать руку на ребёнка».

Бормоча это, Му Циньчуань, сам того не осознавая, приложил ладонь ко лбу мальчика.

Из тела Цзян Юаньмяо полезли красные нити — артефакт-гуй Объединённого Бюро ранга А, «Шёлковая нить-поводок».

От нити, внедрённой в Таоте, до языка, скормленного Цзян Юаньмяо, — всё это было ловушкой, расставленной Бюро.

Целью было найти отца и сына, уничтожить гуй и вернуть Цзян Чэньчжоу, сильнейшего бойца Бюро, «на путь истинный».

Исполнителем этой операции был Му Циньчуань.

Живот Цзян Юаньмяо разрывался от боли, шея горела. Он ненавидел этого сереброволосого мужчину.

Какой нормальный дядя будет душить своего трёхлетнего племянника? Злодей, не щадящий даже детей.

Внезапно боль внутри утихла.

Цзян Юаньмяо открыл глаза и встретился со сложным взглядом мужчины.

В тот миг, когда клыки пронзили его ладонь, Му Циньчуань услышал треск. Красные нити, уже почти извлечённые из тела, бешено задергались.

«Шёлковая нить-поводок», до этого послушная ему, внезапно изменила направление и забилась в конвульсиях.

В бездонных, тёмных глазах мальчика вспыхнул зловещий огонёк.

— Отпусти! — в голосе Му Циньчуаня прозвучали нотки, которых он сам не узнал, — дрожь.

— Злодей, ты меня обидел, я тебя укушу, — свирепо прорычал Цзян Юаньмяо.

Нити, размножившись до тысяч, окутали их обоих. Му Циньчуань, поняв, что дело плохо, холодно приказал:

— Быстро отпусти!

Но поднять руку так и не смог.

Цзян Юаньмяо, не видя, что происходит вокруг, со всей силы впился зубами в ладонь мужчины.

Внезапно он замер.

— Дядя, твоя кровь сладкая.

Впервые в жизни мальчик почувствовал вкус. Вкус крови своего родственника. Человеческая кровь была сладкой.

Му Циньчуань нахмурился, не сводя глаз с ребёнка.

Мальчик с окровавленными губами выглядел невинным, как настоящий ребёнок.

«Нужно убить его. Немедленно!»

Но ощущение кровного родства, исходившее от мальчика, заставило его остывшее сердце снова забиться. Такое он чувствовал только рядом с Юань Ся.

Его кровь, ребёнок его брата, его... племянник.

— Ты... — действительно его ребёнок?

Му Циньчуань не успел задать вопрос. Он подхватил обмякшее тело мальчика.

— Уснул?

Му Циньчуань с недоверием посмотрел на ребёнка. Ровное дыхание, румяные щёки — он действительно спал.

Словно обычный ребёнок, уставший после игр и заснувший прямо на месте.

Му Циньчуань инстинктивно прижал его к себе. Запутавшиеся нити успокоились и, послушно вернувшись к нему, обернулись красным браслетом на его запястье.

Кашлянув, Му Циньчуань принял решение.

Подражая Цзян Чэньчжоу, он завернул ребёнка в свою куртку и, привязав к груди, с трудом побрёл прочь.

«С этим ребёнком что-то не так. Нельзя оставлять его с Цзян Чэньчжоу. Этот безумец испортит моего племянника. Раз уж он мой кровный родственник, я должен его воспитывать. Я заберу его и выращу сам. С таким надёжным опекуном, как я, маленький гуй обязательно вырастет хорошим ребёнком. Так и поступлю».

Му Циньчуань прикинул вес ребёнка на руках, уверенный, что справится с воспитанием лучше. Он откормит его, сделает пухлым, тяжёленьким и тёплым.

— Нашёл!

Ледяной голос прервал его размышления. Лицо Му Циньчуаня потемнело, но противник не дал ему и шанса ответить.

Прежде чем погрузиться во тьму, он успел увидеть лишь удаляющуюся спину Цзян Чэньчжоу с ребёнком на руках.

— Племянник...

— Капитан, вы очнулись?

— Не двигайтесь, у вас серьёзные ранения. Врач сказал, что вам нужен как минимум месяц покоя.

— Цзян Чэньчжоу слишком силён. Наша операция провалилась.

— Ребёнок, где ребёнок? — невозможная боль, спросил Му Циньчуань.

Бойцы у его кровати переглянулись.

— Какой ребёнок?

— Мой племянник, такой большой! Его унёс этот ублюдок Цзян Чэньчжоу?

Лица бойцов стали ещё более странными. В их головах промелькнула мысль: «Всё, наш капитан заражён».

Не дождавшись ответа, Му Циньчуань попытался встать с кровати.

В разгар суматохи в палату вошёл мужчина средних лет в форме.

— Директор Чжан!

Директор Чжан кивнул.

— Выйдите все. Мне нужно с ним поговорить.

Бойцы поспешно удалились.

Му Циньчуань успокоился и посмотрел на вошедшего.

— Хотите верьте, хотите нет, но он действительно ребёнок Юань Ся. Я чувствую нашу кровную связь. Директор, я должен найти его и воспитать сам.

— Циньчуань, успокойся.

— Тебя обманула эта тварь. Не знаю, как ей удалось тебя одурачить, но ты забыл? Юань Ся был мужчиной. Как он мог родить ребёнка?

— Эта тварь обманула Цзян Чэньчжоу, а теперь и тебя.

Му Циньчуань замолчал. В этот момент он понял выбор Цзян Чэньчжоу.

С тех пор как у него появился этот ребёнок, Цзян Чэньчжоу не мог оставаться в Бюро. Никто, кроме них, не поверил бы, что это ребёнок Юань Ся.

Мужчины не могут рожать. Но в мире гуй возможно всё.

В тот момент он отчётливо почувствовал зов крови. Му Циньчуань инстинктивно сжал браслет-нить.

Директор Чжан потёр переносицу.

— Прежде чем ты очнулся, мы провели тест на загрязнение. Твой уровень загрязнения снизился на 3 процента.

— Циньчуань, мне нужно знать, что произошло за то время, что ты отсутствовал.

Глаза Му Циньчуаня забегали, он инстинктивно посмотрел на красный браслет на своём запястье.

— Ты — ветеран организации, — продолжал убеждать директор Чжан. — Ты должен знать, что загрязнение гуй необратимо. Уровень загрязнения может только расти, но не снижаться.

— В последние годы загрязнение ускоряется, всё больше людей подвергаются ему, что приводит к неисчислимым жертвам.

— Мы перепробовали всё, но можем лишь сдерживать его, заставляя одарённых реже использовать артефакты-гуй, чтобы сохранить рассудок. И всё равно каждый год бесчисленное количество одарённых сходит с ума.

— Скажи мне, что произошло? Что снизило твой уровень загрязнения?

В голове Му Циньчуаня промелькнула догадка. Он открыл рот, но осёкся.

— Я не знаю.

Директор Чжан нахмурился.

— Мы последовали за нитью и нашли их, — опустив глаза, сказал Му Циньчуань. — Я использовал артефакт и забрал ребёнка, но Цзян Чэньчжоу догнал меня.

— Он оглушил меня и унёс ребёнка.

— Возможно, Цзян Чэньчжоу нашёл какой-то артефакт-гуй, способный снижать уровень загрязнения.

Выслушав объяснение, директор Чжан нахмурился ещё сильнее.

— Циньчуань, это не ребёнок. Это то, что Цзян Чэньчжоу принёс из мира гуй.

Му Циньчуань не стал спорить. Он откинулся на подушки и с горькой усмешкой сказал:

— Цзян Чэньчжоу сошёл с ума. Но он помнит, что я — брат Юань Ся, поэтому не убил, а спас меня.

При упоминании Юань Ся директор Чжан поморщился.

Видя бледное, измождённое лицо Му Циньчуаня, он вздохнул.

— Ладно, отдыхай. Если что-то вспомнишь, сообщи мне.

— Хорошо, — кивнул Му Циньчуань.

Уходя, директор обернулся и сказал:

— Циньчуань, Юань Ся мёртв.

— Я знаю, — невозмутимо ответил Му Циньчуань, подняв глаза. — Я всегда это знал.

Кухня была заполнена паром. В глиняном горшке что-то булькало, и мясной аромат разносился по всей квартире.

Цзян Чэньчжоу в чёрном фартуке помешивал суп деревянной ложкой. Янтарный бульон покрывался рябью.

Он попробовал и добавил ещё щепотку соли.

Идеально.

— Папа!

Проснувшись, Цзян Юаньмяо тут же уловил запах супа из рёбрышек и, прибежав на кухню, обнял отца за ногу.

Мальчик жадно втягивал носом аромат, едва сдерживая слюну.

— Как вкусно пахнет.

— Маленький обжора.

Цзян Чэньчжоу с улыбкой наклонился и поднёс ложку с остывшим бульоном к губам сына.

— Попробуй.

Мальчик с шумом втянул бульон.

Едва суп коснулся его языка, как по телу прокатилась волна восхитительного вкуса. Цзян Юаньмяо нетерпеливо схватил ложку и принялся жадно хлебать.

— Вкусно, очень вкусно! Папин суп — самый лучший!

С тех пор как к нему вернулся вкус, Цзян Юаньмяо любил есть.

Теперь Цзян Чэньчжоу беспокоился не о том, что у сына плохой аппетит, а о том, что он съест слишком много и лопнет.

— Еда почти готова. Иди помой руки и садись за стол, — Цзян Чэньчжоу взъерошил ему волосы.

Цзян Юаньмяо тут же выбежал из кухни, привычно помыл руки и сел за свой маленький столик в ожидании еды.

Квартира была небольшой, планировка — точь-в-точь как в их прежнем доме, так что Цзян Юаньмяо, хоть и был слеп, мог свободно передвигаться.

Когда Цзян Чэньчжоу вышел с едой, он увидел, как сын, подперев подбородок руками, смотрит в сторону кухни и болтает ногами.

Пол был застелен толстым шерстяным ковром, и Цзян Юаньмяо дома всегда ходил босиком.

В последнее время он много ел, и его белые ножки стали пухлыми.

— Ешь медленно, осторожно, горячо, — Цзян Чэньчжоу поставил перед ним тарелку.

Не успел он договорить, как Цзян Юаньмяо уже нетерпеливо нащупал тарелку и принялся есть.

Раньше он притворялся, что ест с аппетитом, чтобы успокоить отца.

Теперь же он ел по-настоящему, готовый съесть целое ведро риса за раз.

Он хотел наверстать всё, что упустил, будучи лишённым вкуса.

Поедая, Цзян Юаньмяо не переставал рассыпаться в комплиментах:

— Папа готовит лучше всех! Я хочу есть твою еду всю жизнь!

Цзян Чэньчжоу рассмеялся и, убрал рисинку с уголка его губ, сказал:

— Хорошо, папа будет кормить тебя всю жизнь.

Отец и сын наслаждались идиллией, и лишь большие, незрячие глаза мальчика казались чужеродными.

Цзян Чэньчжоу нежно провёл рукой по его волосам, поправляя их.

Недостаточно, всё ещё недостаточно. У моего дитя до сих пор нет глаз.

<http://bllate.org/book/13420/1194690>